

ФЕЛЬТОНЪ.

ОЧЕРКИ И КАРТИНКИ.

Затруднительное положеніе членовъ театрального комитета въ роли судей.—Отношеніе публики къ завулиснымъ исторіямъ.—Театральный вопросъ, какъ возбуждающее средство, своего рода горчичникъ.—Окончится ли театральный инцидентъ?—Война въ лютеранскомъ обществѣ Старинный волка г. Гессъ и его адьютантъ г. Дитрихъ.—Пасквиль и его сочинитель—Пасторъ Томсонъ и его дѣло.—„Бѣлые негры“.

Блаженной памяти еврейскій царь Соломонъ, едва вступивъ на престолъ, явилъ яркое доказательство своей мудрости, разсудивъ претензію *двухъ* матерей, предъявлявшихъ свои родительскія права на *одного* ребенка. Дѣло было весьма затруднительное, но юный мудрецъ съ честью вышелъ изъ предстоявшей ему юридически - бытовой загадки. Не въ менѣе затруднительномъ положеніи очутились и члены нашего театрального комитета, когда имъ предложено было разобрать претензіи *двухъ* враждующихъ половинокъ оперной труппы, предъявлявшихъ права свои на *однѣ* и *тѣ*-же роли. Не думайте, что между членами театрального комитета не находились своего рода мудрые цари Соломоны, предлагавшіе разрубить младенца, т. е. попросту нарушить контрактъ и запереть двери театра... Но и прежніе мудрецы теперь показались-бы не особенно мудрыми, да и обстоятельства жизни и юридическія отношенія теперь совершенно не тѣ, что прежде. Прежде всего среди членовъ комитета нашлись юристы, которые охладили пылъ Соломоновъ и Александровъ Македонскихъ, имѣвшихъ склонность къ мечу въ случаѣ затруднительныхъ вопросовъ, неподдающихся обычному рѣшенію. Затѣмъ выступили наружу интересы публики, этого чудовища, которому въ жертву, словно Молоху, приносятся всякія иныя соображенія и расчеты и даже нерѣдко сама святая справедливость. Какъ! запереть театр? Это восклицаніе, полное ужаса и тревоги, повергло самихъ авто-

ровъ „запора“ въ неописуемое волненіе! А что скажетъ публика? Что ей за дѣло до гг. Гулевичей, Бреви, Серебряковыхъ, Инсаровыхъ et cet., до гг. Закржевскихъ, Соколовыхъ и Нумъ?! „Смѣйся, паяцъ!“ и дѣло съ концомъ. Она желаетъ одного, чтобы двери театра стояли настежь открытыми, чтобы на сценѣ лицедѣйствовали актеры и пѣли артисты, а до ихъ душевнаго состоянія, до ихъ внутреннихъ дѣлъ и отношеній ей, владычествующему и царствующему тирану, нѣтъ рѣшительно никакого дѣла. „Да что они тамъ?“ брезгливо говоритъ публика, когда до нея доходятъ слухи и вѣсти о завулисныхъ дѣлахъ,—„пусть раздерутся, но пусть поютъ и играютъ: я хочу слушать и смотрѣть!“

Вотъ оно по-истинѣ—sic jubeo, sic volol..

Подъ влияніемъ этого ужаса передъ публикой городскіе блюстители сценическаго искусства просто растерялись: проекты и предположенія, совѣты и предложенія сыпались словно изъ рога изобилія и приводили комитетъ, какъ бѣлку въ колесѣ, къ одному и тому-же безотрадному выводу—„ничего не подѣлаешь!“ Контрактъ и инструкція членамъ комитета были истрепаны; различные случаи, однородные съ предстоящимъ, обсужены; артисты, ихъ достоинства и недостатки, ихъ ампуа и пр. разобраны, и самъ покойникъ П. И. Чайковскій, услышавши рѣчи нѣкоторыхъ членовъ комитета, пришелъ-бы въ изумленіе отъ высказываемыхъ ими знаній въ музыкѣ, пѣніи, контрапунктѣ, сольфеджіо и апликатурѣ... Члены комитета дошли до того, что начали упражняться въ опытахъ режиссерства, распредѣляя роли и указывая каждому артисту-пѣвцу его надлежащее мѣсто. Охъ, дѣла, дѣла!.. Давно замѣчено, что ни одинъ изъ вопросовъ нашего городского хозяйства не возбуждаетъ столько волненій, споровъ и не возбуждаетъ столько страстей, какъ именно театральный вопросъ и все то, что относится къ сценѣ. Почему представители Думы излюбили сценическое дѣло, почему они такъ близко принимаютъ къ своему сердцу театральное

искусство—это одна изъ тайнъ, требующая для своего разрѣшенія мудраго Эдипа. Я еще понимаю, если-бы вопросами сцены и театра интересовались и съ головой въ нихъ погружались одни интеллигенты, хотя - бы потому, что театръ по складу нашей провинціальной жизни является однимъ изъ факторовъ общественнаго развитія; но театромъ „забавляются“ даже тѣ гласные, которые совсѣмъ не ходятъ въ театръ, и тѣ члены общественно-городского управленія, которые, повидимому, не особенные поклонники богинь Талии и Мельпомены... Что имъ Гекуба?!

Но дѣло не въ томъ, конечно.

Скандалъ, какъ вихрь въ жаркіе дни, схватившійся въ театрѣ, продолжаетъ возбуждать артистовъ, черезъ нихъ проходитъ въ публику и общественно-городское управленіе и какъ всякій другой общественный скандалъ тревожитъ вниманіе и мѣшаетъ мирному теченію дѣла. Пора положить конецъ этому нехудожественному инциденту! Конецъ? Но какой?

Представители товарищества артистовъ торжественно заявляютъ, что они рады и очень прекратить недоразумѣнія, а равно и гг. протестующіе говорятъ, что они *готовы душой* все покончить и предать забвенію. Съ обѣихъ сторонъ душевная готовность къ миру, а этого по слѣдствію-то и нѣтъ. Миръ превратился въ миражъ.

Впрочемъ, не въ одномъ театрѣ разгорѣлся бой—онъ идетъ и среди лютеранской (или какъ написалъ „Дневникъ—литературной“) колоніи, въ которой и давна происходитъ схватка между Гессомъ, Дитрихомъ и церковнымъ советомъ.